

Весна (рассказ)¹

Он сидел на скамейке с потрескавшейся во многих местах краской, когда-то, вероятно, имевшей ровный голубой цвет. Небо, словно вобрав в себя цвет скамейки, напоминало о весне, и даже воздух неприятно будоражил, заставляя кровь двигаться гораздо быстрее, чем хотел он.

Он – это я.

Я медленно рассматривал эту мысль, пробовал ее, высвечивая разные цветовые рисунки на ее поверхности. Она была чуть синей, с белым облачным оттенком. И небо подтверждало это.

Оно всегда подтверждает или отвергает, но не оценивает. И слава Богу. Оценивают люди. Страдают. Любят... деньги. Или просто – любят. Второе – лучше. (Люди оценивают).

У него был обычный день. Таких – много. Один за другим. Как всегда. И не знаешь, чем начнется и чем закончится.

Ленивый день. Чем-то – интересный. Чем-то – скучный. Как всегда...

Дома – жена, ребенок.

Домой?

Как всегда. Говорят, что критерий человека – это возможность остаться с самим собой наедине и не испытывать скуки.

Элементарно. Он – не человек.

Он – бог. А... кто знает?..

Молод. Я – молод. Я – это он.

Иногда так хочется, чтобы было наоборот.

Иногда – в один из таких дней, как сегодня – он думал: «Что если сегодня – последний день? Последний?! Дальше – смерть. Завтра – не будет.

¹ Впервые опубликовано: «Первая роса». Сборник лучших конкурсных работ ульяновских молодых литераторов. Ульяновск, 2002.

Изменюсь? Вскочу со скамейки и побегу что-то делать? Прощаться с любимыми? Кричать? Что?..»

Бог мой, наверное, и мой последний день будет, как этот – со скамейкой цвета бывшего голубого. И с небом... Господи! Какое хорошее небо... Как свежо, весенне-возбуждающе пахнет!

Он откинулся на спинку скамьи, положил голову на влажные бруссы и унесся в небо.

Хорошо... Где-то там – Бог... Или Он везде? Во мне? В тебе? Хорошо, когда Он здесь, когда чувствуешь, что можешь просто сказать Ему: «Люблю Тебя, Отче!» - и всё. И молчать. И молиться.

«Как всегда» - какая чепуха!

Разве бывает *обычный* день?! Разве день может быть таким, как всегда? А если ты любишь здесь и сейчас? Если все в тебе говорит о любви – к Богу, к жизни, к земле, к сыну, еще не родившемуся, к людям. К ней.

Он сжал руками сумку, которая до этого, безвольно смявшись, сидела с ним рядом. Глаза его светлели. Он смущался улыбкой. Редкие прохожие шаг за шагом приближались к нему и, дойдя до его скамьи, уходили прочь. Он не удивлялся. Они же не знали, что день сегодня – *такой*.

«Они, - думал он, - ведь не знают, что «как всегда» - чепуха!» - и снова глядел в небо. Он понимал, что уже опаздывает, но не спешил. Куда спешить?

«Господи, - думал он, - а ведь так просто понять, что «как всегда» - это ложь. Что обычных дней нет, что есть день, который ты живешь и в который можешь умереть, совершить ограбление, убить, пожертвовать на храм, купить мороженое, ворваться в аудиторию с криком: «Пожар!», спасти утопающего, стукнуть по голове свою собаку, а затем плакать и просить прощения, любить любимую, стонать от удовольствия, сходить к стоматологу, уйти из дома, повеситься, сказать: «Да», поклониться прохожему, сесть рядом с нищим и просить подаяние, прочитать книгу, бегать вокруг леса, поехать автостопом, куда предложит водитель, напиться вдребезги, родить или зачать ребенка, затянуть потуже ремень, сыграть в лотерею, толкнуть соседа по трамваю и

поругаться с ним или пасть перед ним на колени с раскаянием в глазах; пошутить о смерти...».

Начал накрапывать мелкий холодный весенний дождь, часы показывали десять минут пятого. Он медленно приподнялся, взял сумку, соскользнувшую с влажных брусьев скамейки, и пошел в сторону центра города.

Недалеко Волга, пробуждаясь, сбивала с себя лед, и тот, ссутулившись, покрывался трещинами.

Рыбаки, беспечно расположившись ровно посередине реки, искусно разыгрывали сцену рыбалки; облачный дым в нескольких стах метрах над ними немного рассеялся, гостеприимно пустив солнце к земле; огненный шар с бесконечными протуберанцами обнимал девять своих пленников; десятый, слегка задетый его гравитационным полем, плавал в миллионах километрах от последнего – Плутона. Бесчисленная череда звезд сливалась в голубовато-белую реку, напоминающую пролитое молоко, и мириады солнц спокойно, величаво и ласково несли свой свет друг другу.

Он шел к центру города, с болью замечая, как тает ненадолго проснувшаяся ясность любви и жизни, шел, не зная, что в трех километрах от него машина задавила женщину, а в пятистах двадцати парсеках от города произошло землетрясение, погубившее мир; не зная, что ребенок, которого он ждет, не родится, что проживет он еще 11 лет 4 месяца 15 дней...

Он шел, темнота раннего вечера медленно сгущалась, и обычный день подходил к концу.

Он не сожалел, что радость так быстро исчезла, ибо знал, что это – только настроение, оно мимолетно, а любовь, которая живет в его сердце, та – вечна...

Он лишь хотел, чтобы таких, обыкновенных, дней было больше в его жизни, и тогда никакие беды не способны будут сломить или хотя бы поколебать его душу.

И я забывал, что он – это я, а он и не вспоминал обо мне.